

РЕКВИЕМ

1935-1940

Нет, не под чуждым небосводом,
Не под защитой чуждых крыш
Я была тогда с моим народом,
Там, где мой народ, к несчастью, был.

Вместо предисловия

В страшные годы ежовщины я провела семнадцать месяцев в тюремных очередях в Ленинграде. Как-то раз кто-то "опознал" меня. Тогда стоящая за мной женщина с голубыми губами, которая, конечно, никогда в жизни не слышала моего имени, очнулась, от свойственного нам всем оцепенения и спросила меня на ухо /там всег говорили шепотом /:

- А это вы можете описать?

И я сказала: - Могу.

Тогда что-то вроде улыбки скользнуло по тому, что некогда было ее лицом.

1 апреля 1957 г.
Ленинград

ВСТУПЛЕНИЕ

Это было, когда ухмбался,
 Тогда же мертвый, спокойствие рад,
 И ненужным привеском болтался
 Возле тюрем своих Ленинград.
 И когда, обезумев от муки,
 Или уже осужденных полки,
 И короткую песню разлуки
 Паровозные цепи гудки.
 Звезды смерти стреляли над нами,
 И безмолвная корчилась Русь
 Над кровавыми сапогами.
 И под нишами черных марушь.

Уводили тебя на рассвете,
 За тобой, как на выносе, ила,
 В темной горнице плакали дети,
 У божницы свеча ридила.
 На губах твоих холод иконки,
 Смертный пот на челе не забыть,
 Буду я, как стрелецкие женки,
 Под кремлевскими башнями вить.

ПОСВЯЩЕНИЕ

Перед этим горем гнутся горы,
Не течет великая река,
Но крепки торжественные запоры,
А за ними "каменные перья"
И смертельная тоща.

Для кого-то вест ветер свежий,
Для кого-то нежится заквас, -
Мы не знаем, мы повсюду те же,
Слышим лишь ключей потемный скрижет,
Да шаги тяжелые солдат.

Подымались как к обедне ранней,
По столице одинокой или,
Там встречались мертвых бездыханней,
Солнце ниже и Нева туманней,
А надежда все поет вдали.

Проговор... и сразу слезы хлынут,
Что всех у в отделена,
Словно с болью жизнь из сердца вынут,
Словно грубо навзничь опрокинут,
Но идет... Шатается... Одна...

Где теперь невольные подружки
Двух моих состаренных лет?
Что им чудится в сибирской выгге?
Что мерещится им в лунном круге?
Им я знаю прощальный свз пролет.

1940 г.

1. Тихо льется Тихий Дон,
Желтый месяц входит в дом,
Входит в шапке набекрень,
Видит желтый месяц тень:

Эта женщина больна,
Эта женщина одна,
Муж в могиле, сын в тюрьме,
Помолитесь обо мне.

2. Нет, это не я, это кто-то другой страдает
Я бы так не могла.
А то, что случилось,
Пусть черные сукна покроют,
И пусть унесут фонари...
Ночь.

3. Показать бы тебе насмешнице,
И любимице всех друзей,
Царскосельской веселой грешнице,
Что случится с жизнью твоей.

Как трехсотая, с передачей
Под крестами будешь стоять
И снезою сврею горячею
Нрвргодный лед прожигать.

4. Там тюремный тополь качается,
И ни звука, - в сколько там
Неповинных жизнью кончается...

5. Семнадцать месяцев краю -
Зову тебя домой,
Кидаясь в ноги палачу,
Ты сын и ужас мой.

Все перепуталось нивек,
И мне не разобрать,
Теперь, кто зверь, кто человек,
И долголь казни идет.

И только пошлые цветы,
И эпон кадиланней, и следы
Куда-то в никуда...

И прямо мне в глаза глядят
И скорой гибелью грозят
Огромная звезда.

6. Легкие глядят недели,
Что случилось, - не пойму,
Как тебе, сынок, в тюрьму
Ноги белые гадели.
Как опять они глядят, -
Истребиным жарким оком,
О твоём кресте выскрком
И о смерти говорят.

А здесь, где стояла я триста часов,
 И где для меня не открыли засов,
 Затем, что и в смерти блаженной боюсь
 Забыть громыканье черных марусь.

ПРИГОВОР

И упало каменное слово
 На мрю еще живуя грудь.
 Ничего, ведь я была готова,
 Справдось с этим как-нибудь.

У меня сегодня мнрго дела:
 Надо память до конца убрать,
 Надо, чтоб дума окаменела,
 Надо снова научиться жить.

А не то... Горячий шелест лета,
 Словно праздник на моем окне,
 Светлымденя и опустелый дом.

1939 г.

К смерти

Тм все равно придется, — зачем же не тебе?
 Я жду тебя — мне очень трудно.
 Я потушила свет и открыла дверь —
 Тебе такой простой и чудной.

Прими для этого какой угодно вид,
 Борюсь отравленным сосудом,
 Иль гирькой подкрадись, как опытный
 Иль отравь тифозным чадом. банцит,

Иль шуточкой, придуманной тобой,
 И всем до ужаса знакомой, —
 Чтоб я увидела верх напки голубой
 Иль бледного от страха управдома.

9. Уже безумие крылом

Дым покрыло половицу,
 И полет огненным вином
 И манит в черную долину.

И поняла я, что ему
 Должна я уступить победу,
 Прислушиваясь к своему,
 Уже, как буд бы чужому бреду.

И не позволит ничего
 Оно мне унести с орбов
 Как ни упрашивать его,
 И как не докучать мольбою:

Ни сына страшные глаза —
 Окаменелое страданье,
 Ни день когда пришла гроза,
 Ни час тюремного свиданья,

Ни мимую прохладу рук,
Ни лиц возмужавшие тени,
Ни отдаленный легкий звук,-
Слова последних утешений.

4 мая 1940 г.

Мне все равно теперь: клубится Енисей,
Звезда полярная сияет
И синий блеск возлюбленных очей
Последний у нас засохнет.

19 августа 1939 г.

11. Опыта помпильный приблизился час
 Я вижу, я слышу, я чувствую вас:
 И ту, что едва до окна девали,
 И ту, что родимой не топчет земли,
 И ту, что краснелой трякнув головой,
 Сказала: " Сюда прихожу, как домой!
 Хотелось бы всех поименно назвать,
 Да отняли список и нигде уанать.
 Дни них соткала я широкий покров
 На бедных, у них не подскуанных слов,
 О них вспоминая всегда и везде,
 О них не забуду и в новой беде.
 И если задохнут мой мученный рот,
 Который кричит отомкнанный народ,
 Пусть также они поминант меня
 В канун моего погребального дня.

А если когда-нибудь в этой стране
 Водвигнуть задумант памятник мне,
 Согласье на это дав торжество,
 Но только с условием - не ставить его
 Ни около моря, где я родилась -
 Последняя с морем разорвана связь,
 Ни в Царском саду у заветного пня,
 Где тень безутешная идет меня.